

Мы познакомились на первой встрече литературного «Родника», забившего летом 1969 года в районной газете «Победа».

Григорий Желудков запомнился своей скромностью. На встрече не выпячивался. Прочёл стихи о войне, участвовать в которой ему довелось. Было тогда Григорию уже за сорок и он торопился осуществить свою давнюю мечту – издать книгу. Писал больше ночами. Как-то пришлось мне заночевать у него после очередного сборища родниковцев, которое не обходилось без спиртного. Разбудил меня мерный перестук печатной машинки.

- Кирилыч? – спрашиваю, - ты чего не спишь?

- Книгу жизни своей пишу. Который год уж. Хочется поделиться с людьми, рассказать о своём времени, о чём душа болит, о своей малой родине - деревне Каменке, которой уже нет. Да вот грамотейки не хватает. Я ведь всего четыре класса в школе кончил. Надо было на хлеб зарабатывать. Потом Война. Вот теперь навёрстываю.

Я от души, без скромной зависти радовался, когда, наконец, вышла его первая (и, увы, последняя) книжка.

- Жаль, стихи в книгу не вошли, - посетовал Григорий, даря мне экземпляр. – Я ведь начинал писать со стихов.

Я был с ним согласен. У него есть такие проникновенные стихи. И о войне, и о природе, и о любви. Он очень любил свою жену. Об этом я узнал при второй с ним встрече вскоре после открытия «Родника». Столкнулись у магазина промтоваров.

- Супруге моей сегодня сорок. Вот ишу подарок.

Но главный и самый дорогой подарок любимой женщине у него уже был. И он, отведя меня в сторону и немного смущаясь, прочёл мне стихи, которые я запомнил на всю жизнь.

Через 29 лет он покинет этот бренный мир вместе со своей любимой женой, оставив о себе память книжкой «Исповедь в ночи» и этим щемящим душу своей искренностью, верой в вечную любовь стихотворением:

МОСТ

Горбатый мост, изломаны перила,
Но он связал две улицы села.
Так нас с тобой судьба соединила
И в жизнь одной дорогой повела.
Нам не размежил путь нелёгкий руки,
Ростки любви в час добрый проросли.
Мы через все невзгоды и разлуки
Сердце святую верность пронесли.
И пусть поспорим – всякое бывает.
Нелепый спор нам чувств не омрачит.
Любовь поёт, смеётся и страдает,
Но не когда зазря не огорчит.
И счастлив я, что с этим лишь мерилом
Идти с тобой по жизни довелось...
Горбатый мост, изломаны перила.
Не будь его - и улицы бы врозь.

Сергей Прохоров

редактор журнала “Истоки”,
член Союза писателей России.

Григорий ЖЕЛУДКОВ

ВЕЧЕР НАД ЭЛЬБОЙ

Какая тишь!... Над синью ив,
Склонённых к заводи кудлато,
Вечерней свежести разлив
И блики алые заката.
Какой пейзаж!.. А я, шальной,
Его красы не замечаю...
Я здесь, заброшенный войной,
Который год весну встречаю.
Заката дивная краса
Меня, как будто, не тревожит.
И гладь реки, и небеса -
Всё только сердца горечь множат.
Сейчас бы мне гармошки зов!
И, развернув меха в страданье,
Под молодой туман с низов
Спешить к девчонке на свиданье.
В краю родном бы мне обнять
Берёзку с косами тугими...
Мне б нежно ту поцеловать,
Что не целована другими.

БАЛЛАДА О ТРЁХ ПОРТРЕТАХ

Три портрета на стене висят,
Три портрета молодых солдат.
Они жили в разные года –
Юными остались навсегда.
Три портрета в рамках на стене...
Полегли солдаты на войне.
Полегли, душой не покривив,
Подвиг свой солдатский совершив,
Долг сыновний выполнив сполна...
Три портрета... В доме тишина.
Молча мальчик у стола сидит,
На портреты вдумчиво глядит.
Крайний справа – юноши портрет,
То его незначительный дед.
Просто был войны он рядовым
И остался вечно молодым..
Рядом дядя – молодой солдат,
Ни нашивок ратных, ни наград.
Ещё мальчик, нет и двадцати.
И ему не выпало прийти.
Он не смог заждавшуюся мать
И сестрёнку младшую обнять.
Он лежит, сражённый на войне
Далеко в маньжурской стороне.
Ни плиты надгробной, ни креста,
Хоть вокруг обжитые места.
Третий – брат. Он, юный офицер,
В дом родной уж не откроет дверь.
Сесть за стол ему не суждено.
Без него пьют горькое вино.
Не щадил он молодость свою

И погиб с душманами в бою.
Лишь на камне заалела кровь,
Да стихи остались про любовь,
Да на сельском кладбище скупой
Обелиск из жести голубой.
Три портрета разместились в ряд,
Три портрета молодых солдат,
Что легли героически на войне.

ПЕРЕПЁЛКА

В колосившейся пшенице
У берёзового колка
От заката до денницы
Песни пела перепёлка.
Наливался твердью колос
Звонким днём и ночью лунной.
И звенел. Звенел всё голос,
И тоскующий, и юный.
И с небес, ликуя взором,
Озарив хлеба и колки,
Месяц, вышедший дозором,
Слушал песни перепёлки.

ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

Вечереет. Резче грани.
Хмарь морозная сладка.
И повизгивают сани
За копытами гнедка.
Синь полянок в темнолесье,
Да покой закатной мглы.
Лес, ушедший в поднебесье...
Берендеевы углы.
Неоглядные массивы
Опалил закат огнём...
Всё же, как они красивы
В зимнем убранстве своём!
Хлётко конь мой санки тащит:
Только цокот-перезвон...
И застыл над гулкой чащей
Воспалённый небосклон.

Ночь опять заворожила -
От окна не отойти...
Тень берёзка отложила
У сугроба на груди.
Бахрома звенит, кусты ли?
В голубом сиянье сад.
Блёстки россыпью застыли:
Шелохнись - и заискрят.
Подступил к оконным нишам
Сказки дивный уголок...
Разливается по крышам
Звёзд хрустальный холодок.

В Нижнеингашской центральной библиотеке, где активным читателем был лесник и писатель Григорий Кириллович Желудков, хранится папка с его машинописными произведениями. Некоторые из них уже были опубликованы на страницах журнала "Истоки". Предлагаем новые короткие зарисовки писателя о природе.

ЖАДНАЯ ЩУКА

Солнце огненным шаром выкатилось из-за лобастой горы, суля на весь день нестерпимый зной. Вторую неделю жарит. Даже река обмелела.

Мы с сыном Сашкой сматываем удочки. Ночь прошла даром – не получилось хорошей рыбалки. На два десятка стоянок три небольшие щучки граммов на пятьсот.

Подойдя к последней стоянке, мы увидели: бечева с рогатки размотана, а рогатка висит неподвижно.

– Сорвала наживу, – определил Сашка, ещё не натягивая бечевы.

– А может быть, затаилась? – сказал я.

– Не... Не затаилась. Уже дала бы о себе знать.

– А если глубоко заглотила?

– Посмотрим, – ответил Сашка и осторожно потянул бечеву.

Сашка был прав: крючок оказался голым. Ловко сработала зубастая.

– Попробуй закинуть ещё раз, – предложил я. – Время есть.

– Поздно. Щука больше берёт на заре, а солнце вон уже где.

– А ты всё-таки попробуй, – настаивал я.

– Ну, давай. Попытка – не пытка.

– Только не стоянкой, а так, как на окуня, с ходу.

Сашка наживил на крючок пескаря, поплевал и забросил удочку почти к самой коряге. Щука, казалось, только и ждала этого. Пескарь был ловко сорван с крючка, стоило ему только коснуться воды.

– Хитрая, – буркнул Сашка.

– Закидывай ещё..

– Хорошо, попробую.

И пошло состязание на ловкость. Сашка наживлял рыбёшку, закидывал удочку, а щука ловко срывала наживку.

– Ну, и прожорливая, – удивлялся Сашка.

– Голодная, потому и жадная.

И состязание продолжалось.

– Что бы придумать? – бурчал Сашка. – Попробуем сделать наживку попрочнее.

Сашка снова наживил пескаря, пришел хвостовое оперенье к леске и, забросив наживку как можно дальше, потянул бечеву.

Щука на этот раз не рассчитала, должно быть, и была выброшена на берег.

Оказавшись на берегу, щука выбросила из пасти рыбёшку, забилась, но Сашка уже сидел на ней.

– А ничего себе! – сказал он с восхищением. – Килограмма на два потянет.

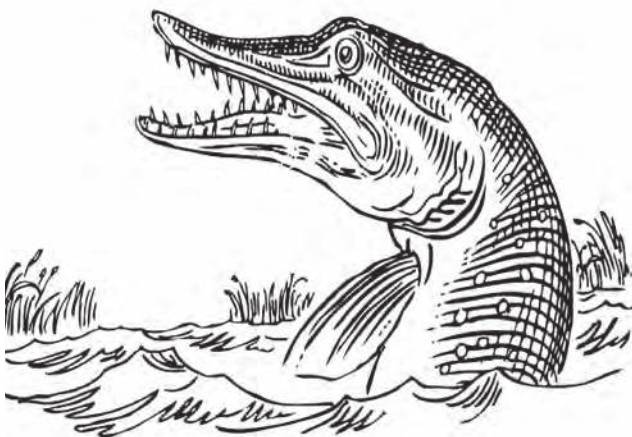
Чтобы убедиться, одна она пожрала всю наживляемую им рыбу или были соперницы, Сашка попробовал закинуть наживку снова. Клёва больше не последовало.

ВЛЮБЛЁННАЯ ПАРА

Каких только чудес ни встретишь в лесу. Както, набродившись до изнеможения, я вышел на небольшую поляну и прилёг отдохнуть. Запахи травы, прохлада земли как рукой снимают усталость.

Пролежав пару минут в забытии, открыл глаза и огляделся. Моё внимание привлекло раздвоенное молодое дерево. Удивительно было то, что от одной шейки корня тянулись к небу стволы двух разных пород – лиственницы и сосны. Стволы были прямые, без малейшей деформации. Только сосёнка чуть потолще, поосанистей, а листвячок, как и положено сильной половине, стройнее и выше. Он, казалось, прикрывал собою молодую сосёнку от бурь и гроз.

И у сосёнки вид влюблённый. Зелёная, нарядная. Что ни говори, пара на загляденье. Ветки их, как руки, сплелись воедино, образуя зелёный шатёр кроны. И никакая буря им не страшна.

ВЕСЕННЯЯ ПОБУДКА

Солнечный весенний день. На зелёных ветках сосен, оттаявших от лютой зимы, задышавших душистой смолюю, пощёлкивают шишки – семена на волю выбрасывают. У каждого семечка – крылышко. Подует ветер и унесёт семечко, уронит его в пораненную землю, а оттуда, придёт срок, крохотное деревце потянется к солнцу.

Кусты ещё голы. Только верба, что стоит на солнцепёке, выметала первые свои пушинки. Они ещё блёклые. Нет ещё у них медового аромата. Нужно ещё парочку-другую дней хорошего солнцегрева, чтобы задышали они ароматом, собирая к себе на пир тружениц пчёл.

Скоро, не пройдёт и недели, появятся на берёзах, на осинах, на всех прочих кустарниках нежно-зелёные клейкие листочки. Вон как набухли почки! Кольнёт такую солнечный лучик, и лопнет она, дав волю набирающему силы листочку.

«Чу», – пропищала торопливо пичуга. «Пи-пи-пи», – пропел картаво дрозд-боровик. А на старой осине, высохшей, полусгнившей, дятел долбит. Нет, не пищу ищет (дерево мертво) – жилище себе строит. Семью заводить пора.

А вон огромная кипящая купина. Это муравьи-трудолюбивцы дворец свой в порядок приводят. Торопятся, только шум стоит.

Из лога, что невдалеке, доносится едва различимый рокот ручья. Он уже отшумел своё. И тихонечко утихает. Но не бесследно – шуметь здесь буйным сочным травам.

Тут и там пламенеют подснежники, наклюнулись стрелки медуницы, на взгорке зелёной густой щёткой прорезается трава.

Трудится природа. Дышит всей грудью согретая солнцем земля.

